

Шишкина Светлана Григорьевна

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ: ДЖЕК ЛОНДОН

Рассматривается соотношение утопических и антиутопических мотивов в мировоззрении Джека Лондона. Считается, что американский писатель, равнодушный к социально-утопической прогностике, моделировал художественный социалистический социум как идеал реализации утопии в будущем. В данной статье утверждается, что для Джека Лондона характерны и антиутопические, критические настроения. С этой целью анализируется малоизвестный его роман - "Алая чума". Предлагается и новая точка зрения на хрестоматийное произведение - роман "Железная пята".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 148-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

14. Новикова Е. Г. В. В. Набоков и Ф. М. Достоевский: дискурс «личного отчаяния» // Достоевский и XX век: в 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 347-357.
15. Новикова Е. Г. Образ Достоевского в литературе русской эмиграции: проблематика «личного отчаяния» // Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. Жана-Филиппа Жаккара и Ульриха Шмида. СПб., 2008. С. 27-39.
16. Новикова Е. Г. Проблема культурной идентичности в литературе русской эмиграции первой половины XX в.: В. Ф. Ходасевич и В. В. Набоков о Ф. М. Достоевском // Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности: европейские исследования в Сибири: мат-лы всероссийской науч. конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 4. С. 162-170.
17. Новикова Е. Г. Садовая беседа Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова // Вестник ТГУ. Филология. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. № 3 (4). С. 82-88.
18. Савельев А. (Савелий Шерман). Рец. на: Современные записки. Книга 44 // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
19. Сараскина Л. И. Набоков, который бранится // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. 976 с.
20. Сартр Ж.-П. Владимир Набоков. «Отчаяние» // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. 976 с.
21. Тихомиров Б. Н. Христос Достоевского versus Христос Набокова // Достоевский и XX век: в 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 320-347.
22. Уэст Р. «Лолита»: трагический роман с ехидной ухмылкой // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
23. Холландер Дж. Гибельное очарование нимфеток // Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
24. Шаховская З. А. В поисках Набокова: отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.
25. Connolly J. W. Dostoevsky and Vladimir Nabokov: the Case of Despair // Dostoevsky and the Human Condition after a Century / ed. by Alexej Ugrinsky, Frank Lambasa and Valija Ozolins. New York, 1986. P. 155-162.
26. Connolly J. W. Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 157 p.
27. Connolly J. W. The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair* // Slavic and East European Journal. 1982. Vol. 26. № 3.
28. Davydov S. Dostoevsky and Nabokov: the Morality of Structure in *Crime and Punishment* and *Despair* // Dostoevsky Studies. 1982. Vol. 3. P. 157-170.
29. Foster J. B. Nabokov's Art of Memory and European Modernism. Princeton, 1993. 260 p.

**V. V. NABOKOV AND F. M. DOSTOEVSKY:
OPPOSITION HISTORY AND ITS RECEPTION IN NABOKOV STUDIES**

Ekaterina Vasil'evna Shvagruckova, Ph. D. in Philology
Department of English Language and Business Communication
Tomsk Polytechnic University
shvagruckova@tpu.ru

The article is devoted to the theme "Nabokov - Dostoevsky" topical for Nabokov studies. The author demonstrates the dualistic approach to the problem: on the one hand, she researches V. V. Nabokov's creative works and the evolution of the writer's attitude to F. M. Dostoevsky's personality and works, and on the other hand, conducts the detailed analysis of literary researches on this problem.

Key words and phrases: Nabokov; Dostoevsky; evolution; emigration; social-cultural analysis; literary analysis; reception; Nabokov studies.

УДК 8.82-1/9

Рассматривается соотношение утопических и антиутопических мотивов в мировоззрении Джека Лондона. Считается, что американский писатель, равнодушный к социально-утопической прогностике, моделировал художественный социалистический социум как идеал реализации утопии в будущем. В данной статье утверждается, что для Джека Лондона характерны и антиутопические, критические настроения. С этой целью анализируется малоизвестный его роман - «Алая чума». Предлагается и новая точка зрения на хрестоматийное произведение - роман «Железная пята».

Ключевые слова и фразы: утопия; ранняя литературная антиутопия; становление социально-прогностического жанра; специфические характеристики.

Светлана Григорьевна Шишкина, к. филол. н., доцент
Кафедра иностранных языков и лингвистики
Ивановский государственный химико-технологический университет
sgsh52@mail.ru

У ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ: ДЖЕК ЛОНДОН®

Общепризнанно, что литературная антиутопия оформляется как жанр и приобретает свои специфические характеристики лишь в XX веке. Становление жанра происходит постепенно, параллельно с поступательным движением цивилизации.

Активный процесс накопления антиутопических мировоззренческих позиций характерен для конца XIX столетия. «Близоруко было бы не видеть, - писал Н. Бердяев, - что в жизни человечества произошла перемена, после которой в десятилетие происходят такие же изменения, какие раньше происходили в столетия» [1, с. 12]. Мощный прорыв в области науки и техники вооружает человека новым инструментарием для осмысления процессов бытия и своего места в мире, меняет ракурс зрения на происходящее и саму природу человека. Трансформируется взгляд на человека как на объект познания и отражения в художественной и творческой практике. Вера в возможность создания идеального представителя *homo sapiens*, что является концептуальным ядром генетически предшествующего жанра - утопии, исчезает. Новый человек нового времени, вооруженный новыми знаниями, больше не моделирует идиллическое утопическое пространство. Скорее, созданные им гипотетические конструкции отражают боязнь технократизма, рожденного на базе новых научных знаний, и опасения по поводу неизбежности потери человеческого, духовного, сакрального в человеке. Что происходит с человеком нового времени, позднее спросит Р. Гвардини. И ответит: «Человек потрясен, выбит из колеи и уязвим для сомнений и вопросов. Когда это случается в эпохи перелома, пробуждаются самые глубинные слои человеческого существа. С неведомой раньше силой просыпаются первобытные эффекты: страх, насилие, алчность, возмущение против порядка» [2]. Таким образом, возникает ситуация, когда поступательное движение человечества становится невозможным. Как следствие, меняется сюжетно-семантическое пространство так называемых социально-прогностических жанров. Даже сочинения, задуманные в образцах классической утопии, обращаются в свою противоположность, сатирическую утопию. Однако постепенно и сатирическая утопия - имплицитная или эксплицитная сатира на существующий социум - наполняется антиутопическими мотивами.

В этом смысле представляет определенный интерес творчество Джека Лондона, который, как известно, был весьма восприимчив к социалистическим и утопическим идеям. Свидетельство тому - его роман «Железная пята» («The Iron Heel»), созданный в 1908 году. Безоговорочно считается, что это - одна из первых антиутопий.

Действие романа начинается в далеком 27 веке. Некто Энтони Мередит, книгоиздатель, находит личный дневник Эвис Эвергард, жены политического лидера первой половины 20 столетия, Эрнеста Эвергарда. Сюжет романа - история отношений Эвис с Эрнестом на фоне классовой борьбы, которая становится делом не только его, но и ее жизни. События давно ушедшего читатель видит и воспринимает глазами Энтони Мередита, который сопровождает публикацию мемуаров своими пояснениями. Он - житель «разумного века» [4, с. 10]. Он считает своим долгом разъяснить современникам то, что может быть не понятно им в силу временных изменений. Его объяснения реалий ушедшего можно условно подразделить на исторические, биографические и культурологические комментарии. Первые сфокусированы на специфике и хронологии вымышленных Д. Лондоном исторических событий, их последовательности и взаимосвязи. Так, подробно комментируется летопись социальной борьбы, которая привела к переходу от Христианской эры - а 20 век определяется именно таким образом - к эре Братства людей. Здесь и описания многочисленных народных восстаний, и подавление их олигархическими силами, и объяснения церковной идеологии.

Биографические комментарии - краткие концептуальные справки о реальных лицах и художественных героях, имена которых вплетены в текст. К примеру, Эрнест Эвергард, лидер борьбы против олигархии, характеризуется Энтони Мередитом как «...один из многих талантливых руководителей», но не единственный, вопреки образу, созданному пером Эвис. Амброз Бирс, автор «Словаря циника», воспринимается как «известный мизантроп... эпохи», Фридрих Ницше - «...бесноватый философ, который в минуты прозрения видел причудливые отблески истины, но, обойдя весь положенный круг человеческой мысли, дофилософствовался до полного безумия» [Там же, с. 17]. Досталось и Герберту Уэллсу. Автор «Железной пята» так презентует его людям виртуального будущего: «Уэллс часто выступал в роли социального провидца, хотя это был здоровый, нормальный человек, с нормальными человеческими чувствами» [Там же, с. 185]. Карл Маркс удостоен следующей характеристики: «...великий теоретик социализма. Жил в XIX веке. ...Современник Джона Стюарта Милля» [Там же, с. 116]. Особый интерес для понимания психологических характеристик Мередита и, по-видимому, самого Джека Лондона, представляет биографическая справка, посвященная Джону Д. Рокфеллеру - обширная, красочная, написанная иронично и хлестко, но с долей вполне понятного восхищения цепкой деловой хваткой и предпринимательским предвидением «удачного и ловкого дельца» [Там же, с. 122-125].

К культурологическим комментариям, как представляется, можно отнести разъяснения понятий политико-экономического характера, актуальных для времени Джека Лондона, но устаревших и потерявших, по его замыслу, конкретное наполнение во времена Энтони Мередита. Так, «забастовка» объясняется как частое явление, «...следствие неразумной, анархической системы. ...Все это в такой же мере непонятно нам, - продолжает Мередит, - как и распространенное в ту пору среди низших классов явление, когда муж, обложившись на жену, бил посуду и ломал мебель» [Там же, с. 35]. Страхование, как разъясняет книгоиздатель, - необходимое мероприятие в условиях волчьей борьбы за существование человека в условиях неуверенности в завтрашнем дне. «Банкротство - своеобразный юридический институт, который позволял должнику, потерпевшему крах в условиях промышленной конкуренции, уклониться от уплаты долгов. В обществе, где борьба шла не на жизнь, а на смерть, банкротство зачастую играло роль спасительной лазейки» [Там же, с. 98]. Объяснению подвергаются такие понятия как «штрейкбрехерство», «капиталистическая система производства», «стоимость», «Черная сотня», «конфликт между трудом и капиталом», «тресты», «Уолл-стрит» и т.д., которые, по мысли Лондона, исчезли из употребления в 27 веке. Отдельный пласт - разъяснение слов,

превратившихся в архаизмы, понятийное наполнение которых не ясно жителям Разумного века (например, «хибарка», «гудок, созывающий на работу», «сторож», «многоженство»). По сути, перед нами толковый словарь социально-политических понятий эпохи Джека Лондона, значимых, прежде всего, для него, которого писатель для популяризации облек в форму художественного произведения.

Возникают некоторые сомнения относительно определения жанра произведения термином «антиутопия». Представляется, что более правомерным было бы применение к «Железной пяте» характеристики «социально-политический роман, наполненный мотивами и настроениями революционного романтизма», обычными для палитры и мировоззрения американского писателя. Основная сюжетная линия - развитие романтических отношений между Эвис и «романтическим героем» Эрнестом в необычных обстоятельствах, на фоне развития жестокой и кровавой классовой борьбы, причем, время и место событий, логика и закономерность развития ситуации здесь не играют значительной роли. В центре романа - образ еще одной сильной личности с ярко выраженной просоциалистической ориентацией. Эрнест действует в соответствии с законами неоромантизма. Яркий, целеустремленный, с четко определенными идеалами, он предстает перед читателем уже сложившейся личностью, психологические характеристики которой остаются неизменными по ходу развития сюжета. По сути, лишь заданная писателем система координат подсказывает читателю, злодей это или герой. Скажем, в психологическом портрете романтического негодяя, Вульфа Ларсена («Морской волк» - «The Sea-Wolf»), наблюдаются все те же качества, но со знаком «минус» - все зависит от смоделированных автором обстоятельств и его точки зрения. Эрнест Эвергард - очередной сильный герой, помещенный волею судеб в обстоятельства, требующие быстрого принятия решения и умения прогнозировать возможное развитие событий. Под его магнетическим влиянием меняется мировоззрение Эвис и ее окружения. Любовь к Эрнесту - лишь катализатор происходящих в системе взглядов Эвис изменений. Однако и после встречи с ним отражение реальности в мироощущениях Эвис не вполне адекватно и окрашено романтическим флером. Почти обязательная для антиутопии тема внутреннего изменения главного героя, пересмотра им собственных мировоззренческих позиций, даже ломки сознания, ведущей к пробуждению второго, другого, иногда полярного «я», отрицающего реальную для него действительность, и ведущего к изменению жизнеопределяющих установок, здесь не наблюдается.

Что касается Энтони Мередита, он, судя по тексту произведения, существует уже в разумном обществе, в Эре Братства людей. То есть, по мысли Лондона, утопия все-таки реализовалась в ее наилучшем воплощении, в классическом варианте. В этом убеждают логичность и спокойствие Мередита, его терпеливо-дидактическая манера повествования и разъяснения непонятого. Социализм модели Джека Лондона уже построен. Следовательно, кровавая борьба с олигархами, укрепление их железной власти, а затем ее крах - не более чем этапы истории становления государства нового типа, которое во много крат совершеннее, справедливее и разумнее по сравнению с реальным для автора.

Гораздо более интересным с точки зрения антиутопического концептуального наполнения, как представляется, является другое произведение Джека Лондона - «Алая чума» («The Scarlet Plague»), созданное в 1912 году [3; 5]. Время действия романа - далекий для автора 2073 год. Романное пространство - территория когда-то процветающей Калифорнии. Здесь, в сообществе, насчитывающем лишь сорок человек, бывший специалист по английской литературе, бывший профессор университета в Беркли, Джеймс Говард Смит, занят со своими внуками поисками пищи. Их одеяния - шкуры, их оружие - лук и стрелы. Внуки - сильные, ловкие мальчишки, повадками и интеллектом весьма напоминающие Маугли Киплинга. Они по-звериному зоркие и меткие. Они умеют стремительно прыгать и молниеносно поражать камнем свою жертву. Они разжигают костры для приготовления еды и, словно дикари, поедают её, слегка обжарив, не затрудняя себя использованием каких-либо приборов. Их речь - гортанные взрывные звуки, напоминающие те, что издают животные. Слушать связную человеческую речь профессора для них - весьма тяжелое испытание. Им непонятно то, о чем и как он рассказывает. Насытившийся и разомлевший Джеймс Смит вспоминает события 2013 года, когда в цивилизованный Сан-Франциско пришла никому не известная эпидемия, названная Алой чумой. Неизлечимая болезнь, от которой невозможно было уберечься, сначала выкосила весь город, затем распространилась дальше. Волею судеб от неизвестного вируса из всего университетского и семейного окружения удалось спастись лишь Смицу, который, после пережитого, на протяжении трех лет жил в одиночестве в заброшенном особняке, не осмеливаясь выйти из него. По истечению этого срока он решил узнать, не выжил ли кто-нибудь еще. Он находит нескольких человек, среди которых - Веста Ван Уорден, жена одного из десяти Магнатов, гордая и неприступная когда-то, а ныне всего лишь жена Шофера (он и был у бывшего властителя водителем), грубого мужлана, который сделал ее рабыней и с наслаждением регулярно бьет, испытывая необъяснимое удовольствие от смены социальных ролей. Они и стали родоначальниками нового племени. На одной из их дочерей спустя какое-то время профессор женится, и история человеческой цивилизации начинается заново.

Представляется, что будущее цивилизации, основанной Шофёром Биллом и его потомками, видится Д. Лондоном далеко не в радужном свете. Для создания его модели Лондон использует прием, который мы условно назовем «вектором обратной перспективы». История движется вспять, но человек физически и психологически все тот же на любом витке развития цивилизации. Смит вспоминает те времена, когда алая чума охватила сытый и процветающий Сан-Франциско, его университетские районы. Смит видел многочисленные толпы разъяренных мародеров, которые, зная, что в любую минуту смерть может поразить их, стремились только к одному - успеть схватить что-нибудь, разрушить для обладания этим чем-то, зачастую и

вовсе не нужным, все преграды: окна, двери, стены. ...И не понятно, кого в этой толпе было больше - образованных студентов и их преподавателей или выходцев из простых слоев населения.

Сила разрушающей агрессии одинакова у людей всех сословий. Она необходима для самоутверждения. Она сохранилась в Шофере, передалась его детям, которые живут по природным звериным законам; в соответствии с ними, слабый должен умереть. Новое поколение, как и в романе Э. Бульвер-Литтона «Грядущая раса» или в «Неандертальцах» У. Голдинга, не ведает жалости. Самозабвенно, с чувством физического превосходства мальчишки-подростки издеваются над стариком Смитом, подсовывая ему огненно-горячие или обсыпанные песком куски пищи, громко, торжествуя, злорадно смеясь над его физическими мучениями. Дети уже эволюционно выше зверей, которые дичают и пожирают друг друга, из-за чего исчезли мелкие домашние животные. Но станут ли внуки Смита людьми, населявшими когда-то высокоразвитое сообщество, остается без ответа. Мальчишки не умеют читать и считать, их язык примитивен, мышление не развито, любознательность и воображение отсутствуют. Но основное их качество, препятствующее развитию мыслительных процессов, - полная и безоговорочная уверенность в собственной правоте, что основано на мускульном превосходстве. Все их умения и навыки направлены на удовлетворение потребностей первого порядка - самосохранение, утоление голода и жажды, воспроизведение. Физическая сила, а не интеллектуальное развитие, вновь стала мерилем значимости и положения в обществе, которое, скорее, напоминает стаю. Не испытывая никаких угрызений совести, дети изготавливают бусы из зубов предков, выковыривая их из черепов, сохранившихся на бывшем кладбище. Культурный ген, когда-то взлелеянный профессором и его сообществом, исчез в новом поколении, как кажется, навсегда. Цивилизация как среда обитания человека в гипотетическом будущем модели Джека Лондона возрождается. Однако, населенная двуногими особями, сохранившими человеческий облик, но презревшими духовную наполненность и ценящими лишь физическую силу, она, по мысли старика, развивается лишь для того, чтобы лет этак через пятьсот погибнуть вновь.

Перед нами не утопическая модель общества будущего, населенного добрыми и умными людьми, как в романе «Железная пята», а полная ее противоположность. И высокоразвитый, обогащенный знаниями и технологиями социум «до» - до распространения смертоносного вируса, который, не исключено, был порожден сбоем в программе мощной технологической и технократической эволюции, оказавшейся бессильной, - еще не гарантия светлого, мудрого и справедливого (по критериям утопии) будущего и гармоничного человека в нем.

Тема обезличивания человека полностью и полифонически зазвучит в антиутопии позднее, когда теоретические постулаты будут проверены практикой. Уже в 1924 году будет создана матрица литературного жанра, роман Е. Замятина «Мы», появление которого во многом определит пути становления и развития литературного процесса XX столетия. Однако, в любом случае, произведения, антиутопические мотивы в которых не являются доминирующими, а иногда намечены лишь штрихами, представляют значительный интерес в исследовании процессов становления жанра.

Список литературы

1. Бердяев Н. Кризис искусства. М.: СП «Интерпринт», 1990.
2. Гвардини Р. Конец философии нового времени [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001009/> (дата обращения: 09.05.2010).
3. Лондон Д. Алая чума [Электронный ресурс]. URL: http://www.jlondon.ru/lond_books/685 (дата обращения: 20.02.2010).
4. Лондон Д. Железная пята // Лондон Д. Сочинения. М., 1955. Т. 5.
5. London J. The Iron Heel [Электронный ресурс]. URL: <http://irikha.com/library.php?clause=058> (дата обращения: 01.03.2010).
6. London J. The Scarlet Plague [Электронный ресурс]. URL: <http://london.sonoma.edu/Writings/Scarlet/> (дата обращения: 02.03.2010).

LITERARY ANTI-UTOPIA ORIGIN: JACK LONDON

Svetlana Grigor'evna Shishkina, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages and Linguistics
Ivanovo State Chemical-Technological University
sgsh52@mail.ru

The author considers the correlation of utopian and anti-utopian motives in Jack London's world-view. They believe that the American writer not indifferent to social-utopian prognostics modeled artistic socialist society as utopia realization ideal in future. In this article it is stated that anti-utopian, critical moods are also characteristic of Jack London. With this purpose the author analyzes his little-known novel "The Scarlet Plague" and suggests a new point of view on his classic work - the novel "The Iron Heel".

Key words and phrases: utopia; early literary anti-utopia; social-prognostic genre formation; specific characteristics.